

УДК 811.512'373

**КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
В ТАТАРСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Г.Р. Галиуллина

Аннотация

Статья посвящается изучению антропонимикона татарского языка в контексте тюркской культуры. Личные имена являются не только частью языка, но и элементом духовной культуры, отражающей специфику национального общества. На формирование и развитие тюрко-татарской антропонимической системы повлияла духовная культура древних тюрков, в которой отражены древние верования, в частности поклонение космосу, сохранившееся до настоящего времени в культурной памяти народа.

Древнетюркские представления связаны с мифологическим сознанием древнего социума, в котором слиты разные формы общественного сознания – обыденное сознание, религия, наука, искусство. Рождение и дальнейшее существование на лоне природы способствовало возникновению объектов поклонения, впоследствии ставших неотъемлемой частью всей сущности социума. Для того чтобы понять жизнь, поведение и культуру древних людей, важно попытаться восстановить присущие им представления и ценности. Нужно выявить привычки этих людей, способы восприятия действительности. У каждого индивида каждой конкретной эпохи имеется своя картина мира, являющаяся единственной и неповторимой. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром и наличным материалом культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картины мира, созданные на базе интуиции о мире, непосредственно отраженные в языковых знаках.

Дошедшие до наших дней древние верования сохранились прежде всего в языке, хотя другие формы сохранения традиций народа тоже существуют. Язык является неотъемлемой частью бытия, он аккумулирует социально-культурный опыт общества и является одной из основных форм передачи народных традиций, тех наивных мифологических представлений народа, которые существовали на заре человечества. Наряду с фольклорными текстами, в языке которых сохранилась мифологическая картина мира первобытного общества, основную функцию аккумуляции опыта наших предков выполняют личные имена, отражающие древние языческие верования тюркского народа. Особенности антропонимического узуса в традиционной тюркской культуре обусловлены мифическими представлениями о природе имени – отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и

человеком. Имя наделялось магическими свойствами и использовалось в обрядах как инструмент магии – охранительный, отгонный, продуцирующий; имя табуировалось, утаивалось, заменялось; выбор имени и именование подчинялись строгой регламентации и магическим целям.

«В истории религий и в культурологии различают несколько основных классов или типов таких религиозных форм, как анимизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм, политеизм, древний пантеизм. Однако это не стадии, не исторические этапы в развитии религии. Возникнув в первобытно-общинном мире, они могли сосуществовать в религиозных представлениях одного племени (например, анимизм и тотемизм) и с теми или иными изменениями передавались в течение тысячелетий из рода в род» [1, с. 10].

В тюркском языческом именослове основное место занимает анимизм, который составляет основу языческой веры, являвшейся главной до введения и распространения ислама на территории Волжской Булгарии. Он лег в основу имянаречения у древних тюрков и определял дальнейшее развитие антропонимической системы тюрко-татар. В рамках данной статьи мы рассматриваем анимистические представления, которые проявляются в тюрко-татарских именах.

Элементы анимизма имеются в любой религии, и они зафиксированы в языковых знаках. Имена, как особая семиотическая система, являются одной из форм отражения и закрепления представлений о жизни древних тюрков во всем многообразии ее проявлений, в осмыслении бытия, фиксации миропонимания в рамках национальной культуры. В именах в большей степени, чем в других языковых знаках, зашифрована информация о прошлых этапах развития национального общества. Они представляют собой способ передачи последующим поколениям национально-культурных ценностей и традиций древних тюрков. До наших дней хорошо сохранились имена, в которых зашифрована информация о мифологических воззрениях предков, об их объектах поклонения. Одним из главных объектов поклонения древних тюрков являются Космос, Небо, которые сотворены верховным божеством Тенгри. В древних верованиях тюрко-татар главное место занимал культ Тенгри, до принятия ислама являвшегося верховным божеством у всех тюркских народов. «Именно Тенгри один, а иногда вместе с другими мелкими богами, управлял всеми событиями в мире, определял судьбы людей, назначал каждому срок жизни» [2, с. 24]. Он являлся богом верхнего слоя мира, незримым духом. О месте обитания верховного бога Тенгри сохранилось достаточное количество повествований. Так, например, в тексте рунического письма Орхона есть такие строки: «Вначале было вверху голубое небо (кек Тенгри), а внизу темная земля, а между ними появились сыны человеческие» [3].

Древние тюрки обожествляли голубое небо и все, что на нем расположено, – солнце, звезды, луну. Все это непосредственно отражено в именах предков татар. «Мифологическая модель мира у древних тюрков включает в себя вертикальную систему размещения антагонистических миров – «голубого мира» вверху и «бурой земли» внизу» [4, с. 665].

Имя основного божества Тенгри, несомненно, отражало мужское начало и давалось в основном мальчикам. В тюркском именнике встречаются следующие имена с компонентом *Тенгри*: *Тенгребирген*, *Тенгребирде*, *Тенгрекол* [5, с. 248].

Традиционное для древнетюркского именника явление – употребление глаголов *бирген*, *бирде* «дающий» в вышеназванных сложных именах – указывает на особое место Тенгри в иерархии языческих божеств. Тенгри мог даровать человеку жизнь, от него зависела судьба человека. В системе личных имен многих тюркских народов зафиксированы антропонимы с компонентом *Тенгри*. Так, например, в системе личных имен узбекского языка встречаются такие имена, как Тангриберган, Тангрикул; в казахском именнике функционируют имена Тәңірбирген, Тәңірбирди, Тәңіркул; у мамлюков – Тенгри Бирмиш, Тангри Берди.

Мифологические представления предков тюрко-татар о верховном боге Тенгри как о главном над всеми божествами, по сути, являлись одной из форм языческого монотеизма. Вплоть до проникновения ислама в Волжскую Булгарию тенгрианство было основной религией предков тюрко-татар [2, с. 70]. Даже после принятия мусульманства народное сознание сохранило эту традицию имянаращения. В тюрко-татарской антропонимической картине мира зафиксированы личные имена, основным мотивом именования которых является значение «данный богом, раб божий». Хотя компонент *Тенгри* в именах исчез, но народная традиция, основанная на религиозно-мифологических представлениях, продолжала свое существование и после принятия ислама. В антропонимах, как в языковых знаках, сохранилась народная память предыдущих эпох. Мы полагаем, что мужские имена *Аллабирде*, *Аллабирген*, *Аллагол*, *Ходайбирде*, *Кудайбакты/Ходайбакты* [5, с. 484] и т. д. являются продолжением тех традиций, которые заложены предками тюрко-татар. Доказательством данной гипотезы также является выдвижение на передний план мужского начала. Компоненты имен «*Алла*», «*ходай*» (бог) преимущественно употребляются в составе мужских имен. Структурная модель имени «тенгре + глагольная основа» сохраняется и в этих именах. Имена с указанными компонентами функционировали в именнике татар вплоть до начала XX века. Несмотря на то что наречение ребенка именами с вышеназванными компонентами на сегодняшний день не наблюдается, народная память хранит религиозно-мифологические воззрения предков. Лаская ребенка, нередко называют его *алла бирген* (бог дал), *алла басының улы/кызы* (сын/дочь бога (данный богом)).

Таким образом, понимание Тенгри как невидимого и вездесущего владыки Вселенной и вера в его могущество легли в основу антропонимической картины тюрко-татар. Вера в Тенгри возникла на основе народного мировоззрения, воплотившего ранние религиозно-мифологические представления наших предков. Главной особенностью тенгрианства является связь человека с окружающей природой, слияние с ней. Человек является неотъемлемой частью природы, он полностью зависит от нее, природные явления вызывают и страх, и восхищение. По этой причине древние тюрки обожествляли явления природы.

Небо, Космос непосредственно включают в себя небесные тела, такие, как солнце, луна, звезды. Отголосками анимистических верований можно считать функционирование в составе древнетюркской, позже татарской антропонимической системы личных имен с названиями небесных тел. По представлениям древних тюрков, все, что находилось в верхних слоях Земли, имело божественное начало и отождествлялось с Тенгри. Как отмечает Г. Давлетшин, слова

Тенгри и *Небо* для древних тюрков были синонимами [2, с. 44]. Учитывая тот факт, что *Тенгри* – это персонифицированное небо, нетрудно провести параллель между этими двумя лексическими единицами. Даже цветом *Тенгри* наши предки считали голубые, светлые тона. Мы полагаем, что появление в антропонимической системе тюрко-татар имен с компонентом *кук* (голубой) отражает анимистические воззрения наших предков на бога *Тенгри*. Так, в древнетюркских именах *Куккуз*, *Куклеш*, *Куктимер*, *Кукморза* и других в семантике компонента *кук* зашифровано имя верховного бога. Немаловажен и тот факт, что имена с компонентом *кук* давались в основном мальчикам, то есть в них ярко прослеживается мужское начало, что является атрибутом *Тенгри*.

Личное имя *Аяз-ajas* ‘чистое, ясное’ (о небе) [6, с. 27] также отражает поклонение небу. Известно, что данный антропоним употреблялся в древнетюркском языке и зафиксирован в словаре М. Кашгари «Диване лугат-эт тюрк» [7, с. 180]. По мнению Г.Ф. Благовой, при наречении ребенка данным именем происходила метафоризация «ясное, ближнее небо» → «красивый» [4, с. 669]. Благодаря положительной семантике данное мужское имя дошло до наших дней и функционирует в современной антропонимической системе татарского языка.

Поклонение древних тюрков солнечному божеству отразилось в именах с компонентами *кояш*, *кон*, *йарык*, *тан*, и, мы полагаем, антропонимы с компонентом-прилагательным *ак* также связаны с обожествлением Солнца. В древнетюркской мифологии говорится, что Солнце – сын *Тенгри*. Как и Луна, Солнце является сыном Неба и Земли. Об особом месте Солнца в иерархии божеств свидетельствует и тот факт, что археологи во время раскопок до сих пор находят предметы, украшенные символами солнца. Поклонение солнечному божеству сохранилось и после принятия мусульманской религии, отголоски древних верований дошли до наших дней.

В мифологии тюрко-татар Солнце (*Кояш*) представляется как персонифицированное существо мужского пола. Информация, заключенная в антропонимических единицах, дает основание говорить о бинарной природе божества. Общетюркский компонент *кояш* не встречается в составе раннетюркских имен. Появление имен с этим компонентом относится к более позднему периоду. Так, например, в Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. зафиксирован житель деревни Мусары *Каяш* Карамышев [8, с. 14]. Как подчеркивает А.Г. Шайхулов, имя *Кояш* можно рассматривать в двух планах: а) как имя, данное с культовым представлением древних татар и башкир; б) как имя, данное по состоянию дня в день рождения ребенка [9, с. 22]. В именнике татар XX века в составе так называемых новотатарских имен употребляется женское имя *Кояш*. Данное имя в современном именнике функционирует в качестве женского имени. Данный факт служит в пользу доказательства бинарной сущности солнца, зафиксированной информации о нем в народной культурной памяти.

В древнетюркском языке в значении «солнце» употреблялось слово *кон* (день), являющееся активным имяобразующим компонентом. В современном литературном языке слово *кон* употребляется в значении *день*, хотя этимологические исследования показывают, что его первоначальное значение – «солнце» [10, с. 115]. В значении ‘солнце’ слово *кон* и в настоящее время используется в диалекте сибирских татар, в заказанском говоре среднего диалекта [11, с. 200]

татарского языка. Солнце, будучи символом света, имеет три различные фазы: восход, полдень, закат. В тюркской антропонимической картине мира нашли отражение имена, связанные только с восходом солнца и полуднем. Это объясняется тем, что в выборе имени существуют определенные правила, критерии, не меняющиеся с течением времени и являющиеся показателем национального своеобразия традиции имяназвания. В принципе любые общие слова могут быть использованы при образовании собственного имени в качестве мотивирующих, но не каждое из них встречается в антропонимической подсистеме. Прежде всего для имени выбираются только те апеллятивы, в семантике которых доминируют положительные качества и которые, по верованиям, выражают пожелание ребенку здоровья, счастья, богатства и т. д. Использованные в домусульманской антропонимической системе личные имена с компонентом *кон* употреблялись для фиксации обстоятельств рождения и, вероятно, отражали поклонение солнцу, которое должно было покровительствовать ребенку. Имена с компонентом *кон* (*kün*) были одними из самых распространенных у тюрков. Так, имя одного из главных героев «Кутадгу билиг», как указывает В.У. Махпиров, было *Kün-Togdi*, в основе которого лежит образ Солнца, олицетворяющего справедливость. Согласно буддистскому мировоззрению, солнце символизировало управителя природы, проявление света, князя, отца, императора, правителя, что полностью соответствует сущности этого главного героя поэмы [7, с. 169]. В тюрко-татарском именнике довольно продолжительное время функционировали имена с данным компонентом. По письменным документам XVIII века видно, что даже в период активизации мусульманских имен в тюрко-татарском именнике встречались имена *Контуган*, *Конбирде*, *Контумыш*, *Конбике*, что еще раз свидетельствует об укорененности, прочности мифологических представлений, традиций, верований народа, не утративших свою актуальность под влиянием новой идеологии. Начиная с XIX века антропонимы с компонентом *кон* выходят из употребления, а взамен приходит личное имя Кояш, функционирующее в основном как женское имя. Мы полагаем, что причиной архаизации данного антропоформанта является пассивное употребление лексемы *кон* в значении «солнце» и утрата значимости мифологических верований.

Поклонение солнечному богу зафиксировано и в таких антропонимических единицах, в составе которых находится лексема *тан* (заря). Национальные воззрения на мир, национальный способ представления мира, склад мышления, национальный характер отражены в древнетюркских, позднее в тюрко-татарских именах с вышеназванным компонентом. Апеллятив *тан* является общетюркским и имеет значение «заря, рассвет» [6, с. 532]. По гипотезе Р. Ахметьянова, возможно, слово *тан* в древнем языке употреблялось в значении «солнце» [10, с. 190]. Еще на ранних этапах развития языка данная лексема стала имяобразующим компонентом. По нашему мнению, в этом главную роль сыграли анимистические представления предков, верования в небесное божество. Не зря название известной татарской народной сказки созвучно с именем главного героя *Танбатыр*. Как известно, в устном народном творчестве имя героя выбирается не случайно.

Учитывая мнение Р. Ахметьянова об употреблении слова *тан* в значении «солнце», мы допускаем вполне закономерным использование лексемы *тан* как имяобразующей основы. Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической потребности в общении в среде определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры. Духовная культура, отраженная в именах с вышеназванным компонентом, несомненно, показывает место языческих верований в жизни древнего человека.

В именнике тюрко-татар лексема *тан* функционирует в составе двухкомпонентных имен, которые были характерны для тюркского именника. Если компонент *тан* использовался как личное имя, то второй компонент таких имен в основном являлся глагольной или именной основой с повествующей характеристикой. Такие имена, как *Тансары* (Шайчурин из деревни Большой Куюк), *Танатар* (Костеев из деревни Мамедели), *Танчулпан* (Янзигитов из деревни Большие Атни) [8], *Танкилде*, *Танатмыш*, *Танбек* [5] и другие, образованы по единой структурной модели. Второй компонент имени представляет собой информатора, сообщающего о носителе, в частности об обстоятельствах его рождения (*Танкилде*, *Тантуган* и т. д.), о социальном статусе (*Танбек*, *Танбай* и др.). Полнота внутренней формы древнетюркских имен ставит их в один ряд с апеллятивной лексикой, в которой семантический потенциал слова играет важную роль. Но ярко выраженный апеллятивный характер имени с развитием антропонимической системы теряет свою актуальность. Смысловое неомастическое содержание антропонима, иногда очень существенное в момент возникновения имени, затем утрачивается без всякого ущерба для его функционирования. Постепенно первоначальное значение полностью исчезает, от слова остается лишь звуковое оформление, либо основа антропонима наполняется новым значением. Мы полагаем, что с анализируемой лексемой произошла именно такая трансформация. Ассоциативное поле антрополексемы *Тан* 'заря, рассвет' со временем расширилось, в семантике слова в результате метафорического переноса появилась новая сема. Данное слово стало символом чистоты, непорочности, молодости, пробуждения, красоты, надежды, новой жизни. Второе значение антрополексемы доминировало и стало основным мотивом в имяназвании. Известно, что между метафорическим потенциалом слова и значимостью денотата существует закономерная связь. Предмет или явление, связанные с особо ценным культурным наследием, становятся источником аналогии при описании других предметов, явлений и, соответственно, центром метафорической экспансии. По поверьям древних тюрков, солнце каждое утро побеждает хаос, мрак, как это было в первый день творения, и каждое утро мир создается заново. Восход солнца, рассвет является знаком пробуждения нового, светлого дня, в более широком смысле – жизни. Такое понимание легло в основу метафорического переноса, в результате которого антрополексема *тан* прочно вошла в число женских имяобразующих элементов. Если денотатное значение слова употреблялось для образования мужских имен, то в таких именах, как *Тансылу*, *Танбике*, *Алтан* и т. д., в комплексе со вторым компонентом прослеживается значение женственности, красоты, чистоты. Ассоциации, свя-

занные с компонентом *тан*, отражают представления о мире, существующие в сознании носителей языка, факты историко-культурного развития тюрко-татарского общества. Сохраняющаяся до наших дней тюркская традиция именования зафиксирована в таких личных именах татар конца XX века, как *Тангуль*, *Танчулпан*, *Тансылу*, *Таннур*. В процессе опроса респондентов нам удалось выяснить мотив наречения именем *Тансу* девочки, родившейся в 1997 году, которая родилась под утро весной. Родители, пожелавшие ребенку искренности, чистоты души, выбрали это имя, одновременно зафиксировав время ее рождения. В современном обществе употребление сложносоставных имен тюрко-татарского происхождения – явление довольно редкое, тем не менее в именнике начала XXI века функционируют имена *Танбике*, *Тансылу*.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что анимистические воззрения являются наиболее распространенными и хорошо сохранившимися до наших дней. Даже после принятия исламства народное сознание сохранило эту традицию имянаречения. С течением времени некоторые мотивы имянаречения, заложенные в древнетюркский период, исчезли, наиболее востребованными и дошедшими до наших дней оказались имена с компонентом *кояш*, *тан*.

Summary

G.R. Galiullina. The Cosmological Views in Tatar Anthroponymic Worldview.

This article regards the Tatar anthroponymicon in the context of Turkic culture. Personal names are not only part of the language, but they are also an element of spiritual culture, which reflects the specificity of national society. The formation and development of Turkic-Tatar anthroponymic system were influenced by spiritual culture of ancient Turks reflecting the ancient beliefs, such as cosmos worship, which is still preserved in the cultural memory of people.

Литература

1. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
2. *Давлетишин Г.М.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 429 с.
3. *Будаев Н.* Личные имена мамлюков [Электронный ресурс] // Западные тюрки в странах Востока. – Режим доступа: <http://buday.narod.ru/gl3.htm>, свободный.
4. *Благова Г.Ф.* Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 660–754.
5. *Саттаров Г.* О чем говорят татарские имена? – Казань: Изд-во «Раннур», 1998. – 487 с.
6. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
7. *Махтиров В.У.* Имена далеких предков. – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – 299 с.
8. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов // Сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 239 с.

9. *Шайхулов А.Г.* Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1983. – 72 с.
10. *Ахметьянов Р.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 271 с.
11. *Диалектологический словарь татарского языка.* – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 458 с.

Поступила в редакцию
15.11.07

Галиуллина Гульшат Раисовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой современного татарского языка Казанского государственного университета.